

М. Горький о Ленине.

Сторонник теории, утверждающей, что роль личности в процессе развития культуры ничтожна, В. И. Ленин—на мой взгляд—источник энергии, без влияния которой русская революция не могла бы принять форму, принятую ею.

Однажды я сравнил его (условно) с Петром Великим; над этим сравнением смеялись, найдя его преувеличенным. Но это именно было условное сравнение: лично для меня роль Ленина, как социального реформатора России, ниже его значения, как мирового революционера. Он не только человек, на волю которого история возложила страшную задачу разворотить до основания пестрый, неуклюжий, ленивый человеческий муравейник, именуемый Россией,—его воля—неутомимый таран, удары которого мощно сотрясают ментально построенные капиталистические государства Запада и тысячелетиями слежавшиеся глыбы отвратительных, рабских деспотий Востока.

Возвращаясь к Владимиру Ильичу Ленину, я должен сказать, что мои личные симпатии к нему не играют никакой роли в момент, когда я пишу о нем. Я рассматриваю его, как существо, подлежащее моему наблюдению наравне со всеми другими людьми и явлениями, которые не могут не интересоваться меня, бытописателя моей родины.

Вот этот человек говорит речь на собрании рабочих; он говорит удивительно простыми словами, железным языком, с логикой топора, но в его суровых речах я никогда не слышал ни грубой демагогии, ни помпезного франтовства красивой фразой. Он говорит всегда одно: о необходимости в корне уничтожить социальное неравенство людей и о путях к этому. Эта древняя правда звучит в его устах резко, непримиримо, всегда чувствуешь, что он непоколебимо верит в нее, и чувствуешь, как спокойна его вера.

Один француз спросил меня:

— Не находите ли вы, что Ленин пилотина, которая мыслит?

— Работу его мысли я сравнил бы с ударами молота, который, обладая зрением, сокровительно пробит именно то, что давно пора уничтожить.

Ленин больше человек, чем кто-либо иной из моих современников, и хотя его мысль, конечно, занята, по преимуществу теми соображениями политики, которые романтик должен считать «узкопрактическими», но я уверен, что в редкие минуты отдыха эта боевая мысль уносится в пре-

красное будущее гораздо дальше и видит больше, чем я могу представить себе.

Основная цель всей жизни Ленина—общечеловеческое благо, и он неизбежно должен прозреть в отдалении веков конец того великого процесса, началу коюго аскетически и мужественно служит: вся его воля. Он—идеалист, если положить в это понятие соединение всех сил природы в одной идее—в идее всеобщего блага. Его личная жизнь такова, что в эпоху обладания религиозных настроений Ленина сочли бы святым.

Я знаю: мещан это взбесит, многие товарищи усмехнутся, и весело захохочет сам Ленин. Святой—это, действительно парадоксальное и смешное слово в приложении к человеку, для которого «нет решительно ничего святого», как сказал о нем древний «богочеловек», бывший революционер Н. Чайковский; святой Ленин, которого благовоспитанный и культурный вельдь английских консерваторов лорд Черчилль считает «самым свирепым и отвратительным человеком».

Но почтенный лорд не станет отрицать, что церковная святость редко исключает свирепость и жестокость, чему примером могут служить кровавые драки отцов церкви на вселенских соборах, инквизиция и множество прочих мерзостей. С другой стороны, область гражданской деятельности во все времена создавала гораздо больше истинно святых людей, если под святостью подразумевать безкорыстное, бесстрашное служение интересам народа, свободы, истины.

Суровый реалист, хитроумный политик—Ленин постепенно становится легендарной личностью. Это хорошо.

Из глухих деревень Индии, проходя сотни верст по горным тропикам и лесам, тайком, рискуя жизнью, пробиваются в Кабул, в русскую миссию, индусы, замученные вековым гнетом английских чиновников, приходят и спрашивают:

Что такое Ленин?

А на другом конце земли норвежские рабочие говорят русскому безразличному человеку:

— Вот, Ленин—самый честный парень. Такого еще не было на земле.

Я говорю—это хорошо. Большинству людей необходимо верить для того, чтобы начать действовать. Слишком долго дожидаться, когда они начнут думать о почитать, а злой гений капитала все быстрее душил их нищетой, алкоголизмом, истощением.

Горький о Ленине.

— Писать его портрет,—говорит М.ся золотыми цветами дрожа и чума Горький,—трудно. Ленин внешневыми ребятами рыбаков. А вечером, весь в словах, как рыба в чешуе. Был слушающий рассказы о России, о деревне, о деревне, как все, что гово- не, завистливо вздыхал:

— А я мало знаю Россию! Симбирск, Казань, Петербург, ссылка и — почти все!

Помню, я был у него с тремя членами Академии Наук. Шел разговор о необходимости реорганизации одного из высших научных учреждений Петербурга. Проводив ученых, Ленин удовлетворенно сказал:

Как-то вечером в Москве, на квартире Е. П. Пешкова Ленин, слушая сонату Бетховена в исполнении Исаея Добровейн, сказал:

Ничего не знаю лучше «Passionata», готов слушать ее каждый день. Изумительная, нечеловеческая музыка. Я всегда с гордостью,—продолжал он,—может быть наивной, детской, думаю: вот какие чудеса могут делать люди,—и, принудясь, усмехаясь, прибавил невесело:

— Но часто слушать музыку не могу. Действует на нервы. Хочется милые глупости говорить и гладить по головкам людей, которые, живя в грязном аду, могут создавать такую красоту. А сегодня гладить по головке никого нельзя,—руку откусят, и надобно бить по головкам, бить безжалостно, хотя мы в идеале против всякого насилия над людьми. Гм!.. Гм!.. Должность адоки трудная.

В 1907 году в Лондоне Ленин, памятно, говорил мне.

— Может быть, мы, большевики, не будем поняты даже и массой. Весьма вероятно, что нас перебьют в самом начале нашего дела. Но это неважно. Буржуазный мир достиг состояния гнилостного брожения, он грозит отравить все и всех,—вот что важно!

Он умел с одинаковым увлечением играть в шахматы, рассматривать «Историю костюма», часами вести спор с товарищем, удить рыбу, ходить по каменным тропам Капри, раскаленным солнцем юга, любоваться

Все у них—просто, все сформулировано строго, сразу видишь, что люди хорошо знают, чего хотят. С такими работать—одно удовольствие. Особенно понравился мне этот...

Он назвал одно из крупных имей русской науки, а через день уже позвонил мне по телефону:

— Спросите З, пойдет он работать с нами?

Я спросил: кажется мне это, или он, действительно, жалеет людей?

— Умных—жалею. Умников мало у нас. Мы—народ по преимуществу талантливый, но ленивого ума. Русский умник почти всегда еврей или человек с примесью еврейской крови.

Да, часто слышал я его похвалы товарищам. И даже о тех, кто, по слухам, будто бы не пользовался его личными симпатиями. Ленин умел говорить, воздавая должное их энергии.

Удивленный его лестной оценкой одного из таких товарищей, я заметил, что для многих эта оценка показалась бы неожиданной.

— Да, да,—я знаю! Там что-то врут о моих отношениях к нему. Врут много и, кажется, особенно много обо мне и Троцком.

Ударив рукой по столу, он сказал:

— А вот, указали бы другого человека, который способен в год организовать почти образцовую армию, специалистов. У нас такой человек есть. У нас—все есть! И—чудеса будут!